

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ПРАГМАТИЗМА В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ МОДЕРНА

В.С. ЛЕВИЦКИЙ

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Киев, Украина

Аннотация

В статье ставится проблема актуальности вопроса о конструировании социальной реальности и указывается, что артикуляция господствующих идей, их кодификация и превращение в необходимую часть культурного контекста осуществляется в рамках философского дискурса. Анализируются трансформации социальной реальности, связанные с утверждением философии прагматизма как одного из главных дискурсов философии XX века. Оценивается роль создателей и основных сторонников последней, их вклад в концептуальное обновление философии XX века. Отмечается, что в прагматизме 1) формируется и обосновывается образ реальности, основанием которого являются социальные практики; 2) увеличивается значимость лингвистического измерения реальности и невозможность выхода за границы языка; 3) формируется детрансцендентированный образ реальности, который создается в коммуникативных практиках социальных акторов. Подчеркивается, что указанные новации кардинальным образом сказываются на особенностях социальной реальности Модерна, так как носят онтологический характер, трансформируя основополагающие характеристики реальности и кардинально преобразуя мировоззренческие, аксиологические и праксиологические доминанты эпохи Модерна.

Ключевые слова: Модерн, прагматизм, социальная реальность, конструирование реальности, языковая игра, опыт.

Левицкий Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации.

uisgda@gmail.com

victor2609@ukr.net

Цитирование: *ЛЕВИЦКИЙ В.С.* (2017) Роль философии прагматизма в трансформации социальной реальности модерна // Философские науки. 2017. № 12. С. 107–122.

Поставленный в середине прошлого века вопрос о «конструировании реальности» приобрел в наши дни новую остроту звучания. Не вызывает сомнений, что современная эпоха как никогда близко подошла к черте, за которой теряется различие между реальностью «искусственной» и «естественной», и все большие регионы социальной реальности становятся сознательно управляемыми и предварительно сконструированными. Технологии позволяют «смешивать» реальности — когда, например, мотивы формируются в реальности виртуальной, однако управляемая ими деятельность осуществляется в «естественной» реальности (1). Более того, социальная реальность сегодня не просто конструируется, а конструируется для достижения определенных целей.

Трудно переоценить роль, которую в процессах конструирования реальности играют СМИ, политтехнологии и технологии. Однако, как и прежде, артикуляция господствующих идей, их кодификация и поступательное превращение в «общее место» культурного контекста остается за философией. Наиболее общие представления о реальности концентрируются и хранятся в резервуарах именно этой науки, а потому и извлечены могут быть именно из ее недр. Конечно, это вовсе не означает, что журналисты или политики должны быть философами или что к ним следует обращаться за советом. Но «заказы» на наиболее масштабные «перестройки» мышления и запечатленной в нем реальности приходили и приходят от власть имущих, стремящихся эту власть сохранить и приумножить, и практически всегда рядом с центром властных масс находился философский мозговой центр. С этой точки зрения возникает вопрос: то, что мы знаем как историю философии, — это ряд великих философов и учений или летопись деяний «придворных» мыслителей?

В любом случае, если согласиться с мнением украинского философа Александра Белокобыльского о том, что трансформации социальной реальности связаны, в первую очередь, со сменой господствующих дискурсов смыслообразования [Білокобильський 2017], то следует отметить, что первоочередную роль в этих эпохальных изменениях играют концептуальные революции, уже прямо связанные с развитием философского дискурса.

Современность, в большей степени, нежели предшествующие эпохи, зависит от философских экспликаций. Если ранее мыслители участвовали в «битве идей», то сегодня те или иные идеи «продвигаются» в границах публичных дискурсов, создание и

развитие которых является залогом успешности выпестованных в них идей и при этом в значительной степени делом рук философов. Конечно, такая ситуация не сложилась спонтанно, и культура, в самом широком понимании этого слова, должна была пройти долгий и специфический путь. Модерн (как культурная эпоха) имеет свои уникальные и сущностные характеристики. К такому необходимо отнести и детрансцендентированную реальность, представляющую собой единое имманентное пространство: любые апелляции к потусторонним смыслам запрещены, а человеческая субъективность понимается как единый творец этого мира.

Практика, язык, навыки обращения со словами и вещами, то, что позднее Р. Брэндом назовет «знанием-как», были и во многом остаются одними из главных предметов-проблем англо-американской (англизычной) философии. После лингвистического поворота все философские проблемы пытались решить анализом языка. Такой взгляд на язык, а через него и на мир предполагал «перестройку» самого понимания реальности, в силу наличия разных «языковых игр» устранял универсальность какой-то одной картины мира и обосновывал вариативность возможных миров. Философский интерес к практике показал, что она может быть предельным горизонтом обоснования истины, а эффективность — служить телеологическим маяком, указывающим верный путь. Все эти философские нововведения «заземляли» истоки (основания) реальности, все больше убеждая, что она является продуктом деятельности intersubjectивного коммуникативного сообщества (2), и соответственно поддается сознательному преобразованию.

Можно сказать, что виртуальная реальность является лучшим примером наиболее эффективного воплощения этой идеи в жизнь. Реальность, в которой функционирует современный разум, отличается тем, что этот разум точно знает ее творца. Это знание и отличает как его самого от всех предшественников, так и архитектонику самой реальности.

Описанная реальность трансформировалась, в том числе и благодаря интеллектуальным усилиям самых разных философских традиций. Онтологические экспликации одной из них — прагматической, значимость которой для философии XX в. трудно переоценить — и станут предметом нашего исследования.

Говоря о прагматизме в первую очередь вспоминают представителей его первого поколения: Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи, указывая на то, что именно в их трудах зародилась уникальная

самостоятельная американская философия (3). Существует и альтернативная позиция, согласно которой существенное значение для формирования прагматизма имела европейская философия (4). Так или иначе, нужно сказать, что они вполне были «детьми» своего времени, увлеченные наукой и ее последними завоеваниями, глубоко переживавшими открытия Ч. Дарвина и превосходно знавшими европейскую, в первую очередь немецкую (Кант, Гегель), философию.

В рамках анализа артикуляции новых форм реальности интересны три мысли Ч. Пирса, которые, несомненно, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие философии. Первая — редукция знания к его практическим следствиям. В статье «Как сделать наши идеи ясными» он прямо пишет: «Я хочу только подчеркнуть, что мы не можем обладать идеей в нашем уме, связанной с чем-либо еще, кроме мыслимых чувственных следствий вещей. Наша идея чего-либо есть наша идея его чувственных следствий; и если мы воображаем, что обладаем какой-то идеей сверх этого, то обманываем самих себя и ошибочно принимаем ощущение, сопровождающее нашу мысль, за часть самой мысли» [Пирс 2000, 278]. Исходя из этого, далее американский философ предлагает католикам и протестантам прекратить спорить по поводу причастия, учитывая, что мнения относительно следствий его действия у них совпадают, соответственно и знание (значение) должно совпадать. Ч. Пирс лаконично формулирует максимум прагматизма: «...рассмотрите, какого рода следствия, могущие иметь практическое значение, имеет, как мы полагаем, объект нашего понятия. Тогда наше понятие об этих следствиях и есть полное понятие об объекте» [Пирс 2000, 278]. Используя хрестоматийный пример с твердостью тела и возможностью его поцарапать, американский философ показывает, что наше понятие твердости (как и любого качества) базируется на практических следствиях, полученных в результате испытания (исследования). Если нам известны результаты действия силы, значит у нас есть понятие силы. Знание мира превращается в знание практических следствий, обнаруживаемых в имманентном мире действия субъекта. Пирс как передовой представитель своего поколения верил и в науку, и в ее способность раскрывать тайны природы. Именно поэтому он считал, что «сообщество исследователей» должно обладать «абсолютной истиной», и, по крайней мере, в бесконечной перспективе, получить ответы на любые теоретические вопросы.

Вторая идея, важная с точки зрения предмета данного исследования, состоит в указании на интересубъективную природу знания и опыта. Пространство смыслов должно быть сверхиндивидуальным. «Не “мой” опыт, — пишет Ч. Пирс, — а “наш” является предметом мышления; и это “мы” обладает бесконечными возможностями» [Пирс 2000, 280]. Таким образом, мир — это мир интересубъективных смыслов, которые делают возможной мыслительную, коммуникативную и исследовательскую практику. Эта идея является очень важной для понимания пирсовской концепции идеального исследовательского сообщества и его роли в «получении» истины и формировании реальности.

В связи с этим, третьей важнейшей идеей является обоснование идеального исследовательского сообщества как нормотворца (5): истина и образ реальности зависят от окончательного вердикта данного сообщества. Трансцендентальные условия нормообразования детрансцендируются и вверяются коллективному историческому разуму. Н. Юлина по этому поводу отмечает: «...пионерская идея Пирса о “сообществе” не была замкнута практикой научного сообщества или сообщества исследователей. Из приведенных суждений Пирса видно, что она имела глобальный смысл идеального сообщества, которому доступна “полная истина”. Сообщество понималось им телеологически, отождествлялось с чем-то, что можно назвать движением к “коммунальному уму”» [Юлина 2010, 54]. Таким образом, упрощенно позиция Ч. Пирса может быть описана следующим образом: знание о реальности возможно только как знание следствий, обнаруживаемых в практике потенциально неограниченного сообщества исследователей. Так, американский философ пишет: «Мнение, которому суждено получить окончательное согласие всех исследователей, есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность» [Пирс 2000, 292]. При этом Ч. Пирс уверен, что научный метод позволит рано или поздно решить все вопросы, несмотря на то, что некоторые верования (знания) сегодня и могут быть ошибочными. Продолжительное (неограниченное) функционирование сообщества исследователей гарантирует открытие всех истин: «...реальность реального и в самом деле зависит от того реального факта, что исследованию, если оно продолжается достаточно долго, в конечном счете суждено привести к верованию в нее» [Пирс 2000, 293].

Итак, Чарльзом Пирсом была предпринята попытка редукции реальности к практической плоскости последствий, где нормотворческая функция в открытии и верификации истины принадлежит сообществу исследователей.

Коллега и критик Ч. Пирса Дж. Дьюи разработал свою версию прагматизма (6), получившего название инструментализма. Джон Дьюи выступал против метафизических концепций, рассматривающих субъекта как сторону, созерцательно противостоящую истинной реальности самой по себе. Он настаивал на социально-деятельной природе субъекта. Человек изначально функционирует в поле каких-то смыслов, и здесь американский философ прозорливо обращает внимание на значение языка: «Как часто говорят, — пишет Дьюи в «Психологии и педагогике мышления», — грамматика выражает бессознательную логику народного ума. Главные умственные классификации, составляющие оборотный капитал мысли, были установлены для нас нашей матерью-речью» [Дьюи 1999, 139]. В другом произведении, «Реконструкция философии», он пишет: «Индивид подчинен ему (общению. — *В. Л.*) потому, что только в общении и посредством передачи опыта от других и другим он может не быть бессловесным, просто воспринимающим, примитивным животным. Только в ассоциации с себе подобными он становится сознательным субъектом опыта» [Дьюи 2003, 129].

Утверждение активистской природы субъекта также позволяет Дж. Дьюи отказаться от онтологического дуализма, корреспондентной теории истины и настаивать на инструментальности нашего знания. Его максима относительно прагматического измерения познания звучит чуть ли не по-марксистски (7): «Величайший смысл знания состоит теперь в том, что оно больше не ограничивается созерцанием и становится практическим» [Дьюи 2003, 82], однако, именно в этой части своей философии Дж. Дьюи солидаризируется с прагматизмом, разделяя его убежденность в необходимости редукции знания (а с ним и образа реальности в целом) к прагматическим следствиям определенного действия. Истинно лишь то, что прошло верификацию практикой: «...истинный, — отмечает автор «Реконструкции философии», — означает проверенный и ничего более» [Дьюи 2003, 104]. Как пишет по этому поводу Н. Юлина, анализируя философию Дж. Дьюи, «истина — это инструментальное по своему характеру верование; или удовлетворительное соглашение между субъектом и контекстом,

в котором имеет место акт познания» [Юлина 2010, 174]. Знание же реальности, в таком случае, это знание результатов такой проверки.

Соответственно и идеи для Дж. Дьюи — это не платоновские метафизические сущности, имеющие самостоятельный онтологический статус, и даже не кантианские идеи как регулятивы чистого разума, а конкретные человеческие инструменты для познания и преобразования имманентного мира. Идеи — это инструменты, позволяющие человеку решать проблемные ситуации. Познание, согласно создателю инструментализма, это исследование, в результате же исследования предмет обязательно изменяется (аналитически либо синтетически), и, следовательно, когда исследование закончено, и субъект может сказать, что знает исследуемый предмет, тот, в свою очередь, будет иметь уже другие характеристики. То есть предмет этот возник в результате исследования, а не существовал «объективно» и «независимо» от познающего субъекта. Он — продукт прагматического обращения с ним познающего разума.

Чтобы проиллюстрировать приведенную выше мысль, Дж. Дьюи в «Опыте и природе» использует пример с бумагой. Он задается вопросом о том, что мы знаем о предмете «бумага»? И отвечает, что она сделана из древесины, воспламеняется и т.д. Все, что нам известно о ней — известно из опыта. Хотя перечисление следствий этого опыта может быть бесконечным, однако ничего кроме этих значений человек не может знать о предмете — никакой сущности самой по себе не существует. Переводчик на русский язык работ Дж. Дьюи Л. Павлова так сформулировала эту мысль: «Опыт показывает, что объектам своего познания — фактам, качествам или чему бы там ни было — мы сами придаем смысл в ходе исследования, следовательно, как объекты они не являются независимой от нас реальностью. Мы, таким образом, создаем их, а не находим» [Дьюи 2003, 459].

Таким образом, инструменталист-прагматист Дж. Дьюи описывает мир, который конструируется в ходе исследования при помощи определенных инструментов, в общем поле интерсубъективных смыслов и только с одной целью — практического преобразования этого мира. Поэтому Дж. Дьюи столько времени уделил педагогике [Дьюи 1999; Дьюи 1922] — это практический эффективный способ трансформации мира в лучшую сторону, в его случае в сторону демократии [Дьюи 2000]. Любая же созерцательно-отвлеченная

позиция отрицается. Мир — это результат и в тоже время противостояние деятельности активного субъекта.

Кроме представителей Нового Света определяющий вклад в формирование прагматически-аналитической позиции внес философ, которого его выдающийся современник Б. Рассел характеризовал в своей автобиографии как «идеальный пример гения в традиционном смысле слова: страстный, глубокий, неутомимый и властный» [Рассел 2000], — Л. Витгенштейн.

В своем первом крупном произведении «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейн формулирует ряд революционных на тот момент идей. Собственно, сам лингвистический поворот, определивший интеллектуальный ландшафт XX столетия был очерчен, пусть еще не так ясно, именно в этом произведении. Молодой Витгенштейн был очень увлечен теориями Б. Рассела и Г. Фреге, которые полагали, что естественный язык слишком туманен и не подходит для изложения логицистских теорий [Рассел 2009]. Соответственно его нужно очистить при помощи логического анализа языка, создать идеальный язык, который бы соответствовал логике и мог бы правильно описывать реальность. При этом они полагали, что логика описывает отношения между «логическими объектами», соответственно нужно очистить (прояснить) эту «истинную» логику и, таким образом, будет прояснен и сам мир.

Принимая установку старших коллег на логический анализ языка, Л. Витгенштейн, тем не менее, отказывает логике в содержательности: чтобы она могла что-то сообщить, она должна выйти за границы мира, однако «границы мира — это и ее (логики. — В. Л.) границы» [Витгенштейн 2005, 181]. Соответственно, как утверждает автор «Трактата»: «Пропозиции логики — тавтологии. Поэтому пропозиции логики не говорят ничего. (Они являются аналитическими пропозициями)» [Витгенштейн 2005, 187]. Следовательно, у нас нет возможности «выйти вовне», чтобы проверить какое-либо утверждение, ибо логика сама задает границы, за которыми начинается молчание. Таким образом, для прояснения мира нужно анализировать логику (язык), задающую его рамки, а мир, о котором можно говорить — это «внутренний» мир языка. В этом и состоит принципиальная разница между Л. Витгенштейном и Расселом-Фреге — последние предлагали анализировать мир, автор же «Трактата» концентрируется на анализе языка и уже в этот период отчетливо понимает, что язык является границей

мира: «Границы моего языка указывают на границы моего мира» [Витгенштейн 2005, 180]. Исследовать нужно язык.

Как отмечает Э. Кантерян, автор одного из наиболее интересных исследований, посвященных жизни и творчеству Витгенштейна, изданных в последнее время, Витгенштейн, как и представители Венского кружка, «считал, что утверждения традиционной метафизики бессмысленны, но не потому, что не существует метафизических истин, а скорее потому, что такие истины нельзя выразить словами. По его представлениям, все, что можно сказать, можно сказать четко, а об остальном лучше промолчать. По их представлениям, все, что можно сказать, можно сказать четко, а всего остального просто нет» [Кантерян 2016, 131].

В свою очередь, онтологию, согласно «Трактату», упрощенно можно представить следующим образом. Мир состоит из неопределенного количества атомарных фактов («Мир – совокупность фактов, но не вещей» [Витгенштейн 2005, 20]), следовательно, человек знает не сам предмет (объект в терминологии Витгенштейна), а то, как этот предмет присутствует в практике («Если я знаю предмет, я тем самым знаю возможность его встречаемости в положении вещей» [Витгенштейн 2005, 26]). При этом «совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир», а «совокупностью всех истинных мыслей является картина мира» [Витгенштейн 2005, 54]. Главная задача философии, состоящая в «критике языка» – отделить истинные предложения от ложных («Если элементарная пропозиция истинна, стало быть, положение вещей существует; если элементарная пропозиция ложна, такого положения вещей не существует» [Витгенштейн 2005, 121]) и, таким образом, получить истинную модель (образ) мира.

Опираясь на найденную методологию, Витгенштейн надеялся устранить все логические ошибки в предложениях и получить окончательное знание о мире. Наверное, именно эта эвристичность метода и личный оптимизм позволили Витгенштейну говорить о «неопровержимости и окончательности» представленных в «Трактате» мыслей (в частности, в предисловии к «Трактату»).

В рамках предмета данного исследования важно отметить две идеи молодого Витгенштейна. Во-первых, это обоснование значимости языка не просто как средства коммуникации, а как условия возможности самой коммуникации: язык очерчивает мир, за границы которого выйти невозможно. Язык становится трансцендентальным условием любого опыта, функцией кантовских

категорий наделяется язык — трансцендентальная логика превращается в логический анализ языка. Во-вторых, констатация «прагматической нагруженности факта» — сущность объекта заключается в его употреблении. Знать, что такое объект — значит понимать и знать все ситуации его практического использования — понимать все возможные связи, в которых он может появиться как переменная.

Из вышеизложенного видно, что Л. Витгенштейн уже на первом этапе своего творчества сделал достаточно для «заземления» природы реальности (хотя кажется, что делал он это во имя самых высоких идеалов), поздний же период его творчества вообще меняет интеллектуальный ландшафт западной мысли так, что лингвистический поворот игнорировать становится уже невозможно. При этом следует сказать, что есть исследователи (К.-О. Апель, Э. Кантерян), которые скорее не противопоставляют два периода творчества венско-кембриджского философа, а находят исток поздней философии в «Логико-философском трактате». Например, Апель постоянно отмечает, что идея языка как трансцендентального условия опыта вполне прочитывается уже в «Трактате» (8). Что появляется нового в поздний период, так это смещение акцента с искусственного языка естествознания, на естественный язык повседневного общения. Границы нашего мира заданы не просто языком, а обыденным языком. Этот творческий путь К.-О. Апель емко описал следующим образом: «И вообще, философское развитие Витгенштейна — вопреки сравнительному одиночеству и своеволию этого мыслителя — можно рассматривать параллельно генеральной линии развития неопозитивистского анализа языка от синтактико-семантического сциентизма к прагматической точке зрения. При этом — согласно прозвучавшим до сих пор высказываниям, — может быть, уже понятно, что это развитие принесло с собой отход от ориентированных на логику языковых конструкций и все более углубленное изучение сущности обыденного языка» [Апель 2001, 46].

Данная прагматизация также очень важна для цели нашего исследования — существенным становится не просто логическая форма языка, а способ его употребления. В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн прямо пишет: «Значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ и есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык» [Витгенштейн 1994а, 331]. Обоснованию прагматической концепции языка посвящена и другая работа позднего периода — «Философские исследования» (9).

В ней разрабатывается сегодня широко известная теория «языковых игр». Л. Витгенштейн утверждает, что область понимания и значения базируется на определенной языковой игре, которая имеет свои правила функционирования, причем разные языковые игры – это, как позднее скажет Р. Рорти, разные конечные словари, несводимые один к другому. «Термин “языковая игра”, – пишет автор «Философских исследований», – призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [Витгенштейн 1994б, 90]. Разные языковые игры предполагают разные универсумы смыслов. Образ мира создается коллективным участием в языковых играх.

При этом именно языковая игра воспринимается теперь как трансцендентальное условие опыта: мы все погружены в какую-то языковую игру, выход за которую принципиально невозможен, единственное, что можно сделать – это заменить одну языковую игру другой. «Понимай языковую игру как то, что первично» [Витгенштейн 1994б, 253], – пишет Л. Витгенштейн, указывая на смыслоформирующий потенциал языковой игры. Образ реальности становится теперь производным от участия в языковой игре. Форма действительности строится по ее правилам. Эту мысль К.-О. Апель сформулировал следующим образом: «Витгенштейн аргументирует в пользу своих нередуцируемых языковых игр как предельных априорных предпосылок какого бы то ни было поддающегося пониманию смысла, постоянно – и при этом имплицитно – указывая на практическое функциональное единство языкового употребления, жизненной практики и миропонимания» [Апель 2001, 167].

Итак, во-первых, в «Философских исследованиях» была обоснована мысль о языковой детерминированности смыслополагания, которая, вскоре после публикации этой работы, стала общим местом практически всей западной философии и фокус ее интереса был направлен на язык как на основной, а может и единственный вопрос философии. Во-вторых, был аргументирован подход, согласно которому мы не имеем прямого выхода к реальности, а вынуждены всегда смотреть на мир через определенные «очки», которые и создают образ (форму) этого мира. В-третьих, стало очевидным, что логико-семантический анализ языка не исчерпывает вопроса, а прагматическое измерение его употребления становится все более важным. Естественный язык становится формой жизни, имеющей собственные правила.

Таким образом, подытоживая можно сказать следующее. Во-первых, в прагматизме формируется и обосновывается образ реальности, основанием которого являются социальные практики. Наш контакт с миром – это его инструментальное покорение, где критерием истины предстает практическая эффективность. Во-вторых, лингвистический поворот окончательно обосновал принципиальную невозможность выхода за границы языка. В рамках же аналитического прагматизма интерес был смещен в сторону анализа естественных языков повседневного общения и способа его употребления. В-третьих, опираясь на такое понимание реальности как детрансцендентированого пространства, автором которого является имманентное коммуникативное сообщество, Модерный разум осознает реальность как открытое поле деятельности, которое поддается целерациональной «перестройке». Если реальность – это продукт Модерного разума (и сам он об этом прекрасно информирован), и не существует никаких иных измерений реальности (они принципиально запрещены), то значит этот Разум может формировать любой образ реальности, руководствуясь критерием практической эффективности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Иллюстративным примером таких технологий являются игры «Разбуди меня в 4.20», «Тихий дом», «Синий кит», где из виртуальных призывов и команд в «искусственной» реальности, складывается вполне материальное самоубийство в реальности «естественной».

(2) Еще Пирс мечтал (писал) об идеальном сообществе исследователей, как о «творце» окончательной истины [Пирс 2000].

(3) С констатации такой позиции, например, начинается статья «Прагматизм» в «Internet Encyclopedia of Philosophy» [McDermid].

(4) В последнее время все популярнее становится мнение, согласно которому европейская философия оказала определяющее влияние на представителей Метафизического клуба, по крайней мере, в рамках постановки философских вопросов. В связи с этим см. одну из последних книг Р. Брэндома [Brandom 2011]. Схожие мысли высказывает и представитель Словацкой академии наук Эмиль Вишновский [Višňovský 2015].

(5) Эта идея очень созвучна концепции идеальной коммуникации и коммуникативного сообщества как трансцендентального условия опыта. Не случайно представитель коммуникативной философии К.-О. Апель высоко ценил философское наследие как прагматизма в целом, так и Ч. Пирса в частности. См., например, его работы «Язык

и истина в современной ситуации философии», «От Канта к Пирсу: семиотическая трансформация трансцендентальной логики».

(6) Следует сказать, что видеть в Ч. Пирсе, У. Джеймсе и Дж. Дьюи философов, принадлежавших к единой школе, приходится лишь в силу вынужденного классификационного обобщения. Ч. Пирс для обозначения собственной философии использовал термин «прагматицизм», отгораживая ее таким образом от «прагматизма» Джеймса и Дьюи. См., например, работы Ч. Пирса «Закрепление верования» или «Как сделать наши идеи ясными». Осознавая некоторую тяжеловесность термина «прагматицизм», Пирс сознательно шел на его использование, подчеркивая, что он «достаточно безобразный, чтобы быть защищенным от похитителей». См. детальнее статью Д. Макдермида [McDermid].

(7) Ср. с широко известным 11 тезисом Марксовых «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его».

(8) Следует сказать, что К.-О. Апель весьма хорошо понимает, о чем говорит, потому как наряду с Пирсом, у которого он позаимствовал представление об идеальном сообществе исследователей, и Ясперсом, которому он, как представляется, обязан мыслью о нормативности коммуникации, именно идея Витгенштейна о языке как трансцендентальном условии опыта оформила концепцию коммуникативной философии в том виде, в каком она известна сегодня [Апель 2001, 149–150].

(9) Здесь интересно отметить некоторую темпоральную синхронность. Хотя «Философские исследования» были завершены к 1946 г., а опубликованы только в 1953, идеи, которые легли в их основание, Л. Витгенштейн тщательно разрабатывал уже в 1929–1932 гг. (Кантерян), а это, в свою очередь, абсолютно совпадает с датировкой осмысления поворота к языку как «дому бытия» (Ж. Гроден), который совершил другой гений XX в. – М. Хайдеггер.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апель 2001 – *Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. – М.: Логос, 2001.

Білокобильський 2017 – *Білокобильський О.В.* Картина світу як частина соціальної реальності // Схід. 2017. № 2 (148). С. 77–82.

Витгенштейн 2005 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Людвиг Витгенштейн. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Территория будущего, 2005. С. 11–228.

Витгенштейн 1994а – *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I / Сост., вступ. статья, примеч.

М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.

Витгенштейн 1994б – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. С. 74–319.

Дьюи 2000 – *Дьюи Дж.* Демократия и образование. – М.: Педагогика-Пресс, 2000.

Дьюи 1999 – *Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления (Как мы мыслим). – М.: Лабиринт, 1999.

Дьюи 2003 – *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. – М.: Республика, 2003.

Дьюи 1922 – *Дьюи Дж., Дьюи Э.* Школы будущего. – Берлин: Государственное издательство РСФСР, 1922.

Кантерян 2016 – *Кантерян Э.* Людвиг Витгенштейн. – М.: Ад Маргинем, 2016.

Пирс 2000 – *Пирс Ч.* Как сделать наши идеи ясными // *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. С. 266–295.

Рассел 2000 – *Рассел Б.* Автобиография // *Иностранная литература.* 2000. № 12. С. 97–240.

Рассел 2009 – *Рассел Б.* Об обозначении // *Рассел Б.* Избранные труды / вступ. статья В.А. Суровцева; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. Изд-во, 2009. С. 17–32.

Юлина 2010 – *Юлина Н.С.* Философская мысль в США. XX век. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010.

Brandom 2011 – *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. – Cambridge: Harvard University Press, 2011.

McDermid – *McDermid D.* Pragmatism // *Internet Encyclopedia of Philosophy*. – URL: <http://www.iep.utm.edu/pragmati/>

Višňovský 2015 – *Višňovský E.* Modernity and Pragmatism. – URL: http://www.pragmatismtoday.eu/summer2015/Pragmatism_Today_Volume6_Issue1_Summer2015.pdf.

SIGNIFICANCE OF PHILOSOPHY OF PRAGMATISM FOR THE TRANSFORMATION OF SOCIAL REALITY OF MODERNITY

V.S. LEVYTSKYI

*Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation,
Kiev, Ukraine*

Summary

The article raises a problem of topicality of the question concerning designing a social reality and points out that the articulation of dominating

ideas, their codification and progressive transformation into a necessary part of the cultural context happens within the framework of philosophical discourse. In particular, there is an analysis of transformations of the social reality, connected with the fact that philosophy of pragmatism became one of the main discourses of the meaning-making. The article assesses the role of creators and main supporters of pragmatism, their contribution to the conceptual transformation of philosophy of 20th century.

It has been emphasized that in pragmatism: 1) an image of reality, the base of which is social practices, is being formed and substantiated; 2) the importance of linguistic dimension and impossibility to go beyond language borders has been increased; 3) de-transcendent image of reality, which was created during communicative practices of social actors, is being formed. It has been also emphasized that stated novelties fundamentally affect the features of the social reality of Modernity. These changes are of an ontological nature, they transform fundamental characteristics (attributes) of reality and also radically transform the ideological, axiological and praxeological dominants of the age of Modernity.

Keywords: Modernity, pragmatism, social reality, the construction of reality, language-game, experience.

Levytskyy, Victor – D.Sc. in Philosophy, Director of the Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.
victor2609@ukr.net

Citation: *LEVYTSKYI V.S.* (2017) Significance of Philosophy of Pragmatism for the Transformation of Social Reality of Modernity. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 12, pp. 107-122.

REFERENCES

- Apel K.-O. (1998) *Towards a Transformation of Philosophy* (Russian Translation by V. Kurennoj, B. Skuratov. Logos, Moscow, 2001).
- Bilokobylskiy O.V. (2017) A Picture of the World as a Part of Social Reality. In: *Skhid*. 2017. Vol. 2 (148), pp. 77-82 (in Ukrainian).
- Brandom R. (2011) *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Harvard University Press.
- Dewey J. (1910) *How We Think* (Russian Translation: Labirint, Moscow, 1999).
- Dewey J. (1916) *Democracy and Education* (Russian Translation: Pedagogica Press, Moscow 2000).
- Dewey J. (1919) *Reconstruction in Philosophy*. (Russian Translation by L.E. Pavlova. Respublica, Moscow, 2003).
- Dewey J., Dewey A. (1917) *Schools of the Future* (Russian Translation: The R.S.F.S.R. State Press, Berlin 1922).

Kanterian E. (2016) Ludwig Wittgenstein. Ad Marginem, Moscow (In Russian).

McDermid D. Pragmatism. In: *Internet Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://www.iep.utm.edu/pragmati/>

Peirce Ch. (1878) *How to Make Our Ideas Clear*. Collected Philosophical Works (Russian Translation by K. Golubovich, K. Chuhrukidze, T. Dmitrieva. Logos, Moscow, 2000).

Russell B. (1905) *On Denoting*. Collected works (Russian Translation by V. Tselishev, V. Surovtsev. Syberian University Press, Novosibirsk, 2009).

Russell B. Autobiography (Russian Translation in: *Inostrannaya Literatura*. 2000. Vol. 12, pp. 97-240).

Višňovský E. (2015) *Modernity and Pragmatism*. Available at: http://www.pragmatismtoday.eu/summer2015/Pragmatism_Today_Volume6_Issue1_Summer2015.pdf.

Wittgenstein L. (1921) *Tractatus Logico-Philosophicus* (Russian Translation by V. Rudnev. Territoria budushego, Moscow, 2005).

Wittgenstein L. (1953) *Philosophical Investigations* (Russian Translation by M. Kozlova, Yu. Aseev in: Wittgenstein L. *Philosophical works*. Gnosis, Moscow, 1994).

Wittgenstein L. (1969) *On Certainty* (Russian Translation by M. Kozlova, Yu. Aseev in: Wittgenstein L. *Philosophical works*. Gnosis, Moscow, 1994).

Yulina N.S. (2010) *Philosophical Thought in the USA. 20th century*. Canon+, Moscow (in Russian).